

Cooper, James Fenimore, 1789-1851

Красный корсар

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4

Cooper, James Fenimore, 1789-1851

Красный корсар / Cooper, James Fenimore, 1789-1851 – М.: Книга по Требованию, 2012. – 280 с.

ISBN 978-5-4241-3163-9

«Красный Корсар» — один из наиболее известных морских романов классика американской литературы Ф. Купера, созданный в 1827 году. Герой романа, пират и контрабандист, бросает вызов военному флоту английского короля. В образах капитана Хайдегера и его товарищей, мужественных людей, закаленных вечным единоборством со стихией, писатель опозитизировал борьбу за свободу против тирании.

ISBN 978-5-4241-3163-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Джеймс Фенимор Купер
Красный корсар

Глава I

*П а р. Пусть Марс примет вас в
число своих любимчиков.*

Шекспир, Конец — делу венец

В некогда оживленном порту Род-Айленда сейчас тихо; ни один человек, знакомый с деловой суетой американских торговых городов, и не подумает, что эта гавань в свое время была одной из самых значительных на всем нашем весьма протяженном побережье. На первый взгляд может показаться, что природа словно нарочно создала это место для удовлетворения нужд моряка. Ньюпорт обладает несколькими важнейшими преимуществами: безопасной и вместительной гаванью, просторной бухтой и удобным рейдом, а посему наши предки европейцы считали, что он предназначен служить естественным убежищем для кораблей и стать колыбелью целой расы смелых и опытных мореходов. Второе отчасти оправдалось, но, увы, как плохо осуществилось первое! В самом непосредственном соседстве с этим местом, избранным, казалось бы, самой природой, ему нашелся счастливый соперник, и это свело на нет все коммерческие расчеты.

Не много найдется в наших обширных землях сколько-нибудь значительных поселений, которые за полвека изменились бы так мало, как Ньюпорт. Пока природные богатства американского материка еще не были использованы, многие плантаторы Юга облюбовали прекрасный остров, на котором стоит Ньюпорт, в качестве убежища от жары и болезней своего знойного края. Толпами съезжались они сюда подышать целительным морским воздухом. Жители обеих Каролин и острова Ямайки, подданные одного и того же государства, дружески встречались здесь, сравнивали свои нравы и обычаи, и поддерживали друг друга в том общем для них заблуждении, которое потомки их в третьем поколении начинают понимать и оплакивать ¹. Общение это оказалось на простых, неискушенных потомков пуритан отчасти благотворное, отчасти вредное воздействие. Они переняли от аристократии южных британских колоний мягкость и любезность в обращении, но вместе с тем усвоили и особый взгляд на различие человеческих рас. Жители Род-Айленда первыми в Новой Англии отступили от простоты обычаев и воззрений своих предков, от суровой грубоватости нравов, некогда считавшейся обязательным признаком истинной веры, своего рода внешней порукой внутренней добродетели. В силу удивительного сочетания обстоятельств и природных свойств — столь же несомненного, сколь и необъяснимого, — торговцы Ньюпорта превращались одновременно и в работников и в джентльменов.

Но каков бы ни был нравственный облик его населения в то время, о котором идет речь, — в 1759 году, — сам остров никогда не производил более чарующего впечатления. Вековые леса еще венчали его гордые вершины, неглубокие долины были покрыты яркой зеленью Севера, а довольно скромные, но удобные усадьбы утопали в рощах и цветниках. Эти красивые и плодородные места по праву заслужили прозвище, в былые дни выражавшее, по-видимому, гораздо больше того, что под ним подразумевалось: жители края называли свои владения «Садом Америки», а их гости с опаленных солнцем равнин Юга охотно приняли это гордое наименование. Оно дошло и до нашего времени; от него не

отказывались до тех пор, пока путешественник имел возможность созерцать многочисленные долины, широкие, красивые и еще полвека назад покрытые тенистыми лесами.

Названный нами год был весьма важным для британских владений на континенте. Жестокая кровопролитная война, начавшаяся неудачами и поражениями, подходила к победоносному концу. Франция лишилась своих последних владений на материке, и вся огромная территория между Гудзоновым заливом и землями, принадлежащими Испании, подпала под английское господство. Жители колоний весьма содействовали успехам своей родины. Потери и унижения, перенесенные из-за недомыслия и предрассудков европейского командования, стали забываться в упоении успехом. Промахи Брэйдок, нерадивость Лаудона и бездарность Эберкромби искупались энергией Эмерста и гением Вулфа². Во всех концах земли побеждало британское оружие. Верные колонисты особенно бурно ликовали, сознательно закрывая глаза на ничтожность той доли славы, которую любая могущественная нация неохотно уступает подвластному ей народу, ибо ее честолюбие, равно как и жадность, возрастают по мере удовлетворения этих страстей.

Система угнетения и насилия, ускорившая разрыв, который в силу естественного хода вещей должен был наступить рано или поздно, тогда еще не действовала. Родина-мать проявляла если не справедливость, то снисходительность. Подобно всем древним и великим нациям, она предалась приятному, но опасному занятию — самолюбованию; доблесть и заслуги тех, кого в Англии считали людьми второго сорта, были скоро позабыты, а если о них и вспоминали, то лишь для того, чтобы унижить и очернить. Такие настроения еще усиливались из-за политических разногласий, и все это приводило к недовольству, к новым, еще более явным несправедливостям и крупным ошибкам. Даже в высшем законодательном совете нации те, кому опыт должен был бы придать благоразумие, не стеснялись проявлять полное незнание того народа, совместно с которым они проливали кровь на полях сражений. Самомнение глупцов нашло поддержку во всеобщем высокомерии. Под его самоуслаждающим воздействием ветераны войны унижали свое звание громкой похвалой, на какую не решился бы и салонный вояка. Именно эта самоуверенность толкнула генерала Бергойна дать в палате общин пресловутое обещание пройти с войском от Квебека до Бостона и даже назвать число своих солдат: позже он сдержал слово, пройдя то же расстояние в вдвое большим количеством спутников, но только в качестве пленных.

История этой памятной борьбы известна каждому американцу. Удовлетворенный сознанием того, что отечество его восторжествовало, он спокойно представляет этой славной победе занять подобающее место в книге истории. Он видит, что мощь его родины зиждется на широкой и естественной основе и не нуждается в поддержке продажных писак. И, к счастью для спокойствия своей души и совести, он понимает, что благоденствия государства нужно добиваться не путем унижения соседних народов.

Наше повествование уводит нас назад, к периоду затишья, предшествовавшего буре революции. В первых числах октября 1759 года жители Ньюпорта, как и всех других городов Америки, испытывали смешанное чувство скорби и радости. Они оплакивали гибель Вулфа и в то же время праздновали его победу. Квебек, твердыня Канады и последний сколько-нибудь значительный пункт, оставшийся

во власти народа, на который колонистов сызмальства учили смотреть как на естественного врага, только что перешел из одних рук в другие. Верность английской короне, претерпевшая столько мытарств, прежде чем этот чуждый американцам принцип потерял для них всякое значение, была тогда особенно неколебима: вероятно, нельзя было бы найти ни одного колониста, который не считал бы мнимую славу Брауншвейгской династии ³ в какой-то мере делом собственной чести.

День, когда начинается наш рассказ, добрые жители города и его окрестностей целиком посвятили выражению своих чувств по случаю победы королевского оружия. Подобно многим последующим дням, он начался колокольным звоном и пальбой из пушек. Рано утром население высыпало на улицы. Избранный оратор дня излил свое красноречие в прозаическом славословии павшему герою и вполне засвидетельствовал свою верность короне, смиренно повергнув к подножию трона славу не только этого мученика долга, но и многих тысяч его доблестных сподвижников.

Проявив таким образом свои верноподданнические чувства, удовлетворенные горожане начали расходиться по домам. Солнце в то время уже склонялось к беспредельным просторам, тогда еще пребывавшим в первозданной дикости, а ныне изобилующим всеми плодами и благами цивилизации. Жители окрестных деревень и гости с материка тоже начали собираться в свой дальний путь, ибо местный деревенский люд, даже предаваясь самому беззаветному веселью, неизменно остается расчетливым: наступает вечер, а это может повлечь за собой лишние расходы, вовсе не обязательные для чувств, которые одушевляли население в этот день. Словом, возбуждение улеглось, и каждый возвращался в привычное русло повседневных занятий с серьезностью и степенностью, которые показывали, что люди хорошо понимают, как много времени они растратили на выражение — может быть, несколько чрезмерное

— своих патриотических чувств.

В городе снова послышались удары топора и молота, визг пилы. Окна многих лавок полуоткрылись, словно интересы их владельцев вступили в сделку с совестью, а хозяева всех трех городских гостиниц стали у себя на пороге, провожая глазами уходящих поселян с тщетной надеждой обрести клиентов среди людей, к сожалению, более склонных продать, чем купить. Однако на их дружеские кивки, расспросы о здоровье жен и детей, а порой даже прямые приглашения зайти и выпить поддалось лишь несколько праздных и шумливых матросов с кораблей, стоявших в гавани, да с полдюжины завсегдатаев питейных заведений.

Отличительной чертой народа, обитавшего тогда в так называемых провинциях Новой Англии, являлось то, что он был всецело поглощен повседневной житейской суетой, а также неизменной заботой о будущем. Впрочем, событие, которому посвящен был день, не позабылось, хотя никто не считал необходимым праздно болтать о нем или обсуждать его за бутылкой вина. Те, кому предстояло двинуться по разным дорогам в глубь острова, собирались небольшими группами и с величайшим уважением к прочным репутациям достойных государственных деятелей, но довольно непринужденно беседовали о том, как прошло празднование великого национального торжества и как показали себя лица, игравшие в этом праздновании главную роль. Все утверждали, что благодарственные молитвы, носившие, по правде сказать, несколько прозаический и отвлечен-

но-исторический характер, были безупречны и проникновенны. По единодушному признанию, нынче была произнесена самая яркая речь, когда-либо исходившая из человеческих уст, хотя некоторые клиенты адвоката, выступавшего противником главного оратора, соглашались с этим не слишком охотно. Совершенно так же рассуждали рабочие, строившие в тамошней верфи корабль: с той же провинциальной восторженностью, которая обессмертила уже столько зданий, мостов и даже людей в пределах их родной местности, они объявляли это судно редчайшим по красоте образцом тогдашнего кораблестроения!

Необходимо, быть может, сказать несколько слов об ораторе, чтобы и этот замечательный мудрец занял свое место в недолговечном списке великих деятелей описанного нами дня. Этот человек разглагольствовал перед земляками всякий раз, когда возникала потребность обсудить значительное событие вроде только что упомянутого. Все справедливо считали, что ни у кого нет столь глубоких и обширных: познаний, как у него, и с полным основанием утверждали, что эти познания привели в изумление многих ученых европейцев, привлеченных его славой, — которая подобна жару в печи: чем меньше печь, тем сильнее накалялись ее стенки, — и подавшихся искушению схватиться с ним на арене древней литературы. Это был человек, умевший использовать свое дарование с величайшей выгодой для себя. Лишь однажды совершил он неосмотрительный поступок, который мог бы поколебать завоеванную им репутацию: он допустил, чтобы один образец его красноречия был напечатан, или, как заметил по этому поводу более остроумный, нежели удачливый его соперник — единственный, кроме него, адвокат в городе, — наконец-то одна из его крылатых речей оказалась пойманной на лету. Но даже этот случай, каковы бы ни были его последствия в других местах, дома только укрепил славу оратора.

Оставим теперь этого баловня фортуны и перейдем к совершенно иной личности и в другую часть города. Место, куда мы хотим перенести читателя, всего-навсего мастерская портного, не гнушающегося самолично выполнять все мелкие обязанности, связанные с его ремеслом. Этот жалкий домишко стоял недалеко от моря, на окраине города, так что обитатель его мог наслаждаться приятным видом внутренней бухты, а также внешней, гладкой, как озеро, и отделенной от первой естественным протоком между островами. Перед самой его дверью находилась маленькая пристань, куда редко причаливали суда, а несколько запущенный вид и безлюдность этого места ясно показывали, что разговоры о торговом процветании порта были несколько преувеличены.

День напоминал весеннее утро, а морской ветерок, рябивший порою поверхность воды, отличался той ласковой мягкостью, которая так свойственна американской осени. Достойный представитель портновского ремесла занимался своим делом, сидя на верстаке у открытого окна с видом гораздо более довольным, чем у многих из тех, кому выпало на долю жить в роскоши и восседать под бархатным златотканым балдахином. Под окном, прислонившись плечом к стене, словно ногам его было трудно поддерживать тяжелое туловище, стоял высокий, довольно неуклюжий, но сильный и хорошо сложенный фермер. Он, видимо, ожидал, пока портной кончит шить ему платье, в которое он намеревался облачиться, когда в ближайшее воскресенье пойдет в церковь.

Для того ли, чтобы время текло быстрее, или потому что, работая иглой, трудно удержаться от желания поболтать, но оба не умолкали ни на минуту.

Предмет их разговора имел самое непосредственное отношение к сути нашего рассказа, и потому мы позволим себе познакомить читателя с наиболее существенной для нас частью этой беседы. В дальнейшем необходимо помнить, что портной был человек уже не первой молодости и, судя по внешнему виду, вынужден был либо в силу собственной неспособности, либо по воле злого рока с трудом перебиваться в жизни, не подпуская к себе нищету лишь ценой неустанного труда и строжайшей бережливости; а его собеседник был юноша того возраста и положения, когда приобретение нового костюма является важным событием.

— Да, — воскликнул неутомимый мастер портновского дела, и у него вырвался вздох, который равно мог означать и полное душевное удовлетворение, и предельную усталость, — да, может быть, уста человеческие когда-нибудь и произносили слова более красноречивые, чем те, что вышли нынче из уст сквайра, но мы в колониях лучшего не

слыхивали. Когда он заговорил о вотчине праотца Авраама ⁴ и о дыме и громе сражений, у меня, Пардон, в груди и во всем нутре такое волнение поднялось, что, право слово, я бы мог набраться храбрости и бросить свой наперсток, чтобы искать славы в битве за короля.

Юноша, чье христианское, или, как и теперь еще говорят в Новой

Англии, «богоданное» имя выбрано было его благочестивыми восприемниками в качестве выражения смиренной надежды на будущее ⁵, повернул голову к героическому портному, и в глазах его загорелся насмешливый огонек — доказательство того, что природа довольно щедро наделила его юмором, хотя, приученный воспитанием к сдержанности, он старался не давать воли этому свойству.

— Сейчас, сосед Хоумспан, самое подходящее время для честолобивого человека, — сказал он. — Ведь его величество потерял отважнейшего из своих генералов.

— Да, да, — ответил портной, который явно сделал серьезный промах при выборе профессии, — для человека лет двадцати пяти это отличный случай. Но моя жизнь уже почти прожита, и остаток дней я проведу здесь, где ты меня видишь, среди клеенки и оснабрюкского холста... Кто красил эту ткань, Парди? Этой осенью я еще не шил ничего красивее.

— Верно, верно. Умеет моя старушка дать настоящий колер тому, что выткала. Ручаюсь, сосед Хоумспан: если вы не подкачаете, на всем острове не найдется парня, одетого лучше, чем сын моей матушки. Но раз уж вам не доведется стать генералом, добрый человек, можете утешаться хоть тем, что больше и сражений-то никаких не будет. Все считают, что французы выдохлись; а раз воевать не с кем, то непременно наступит мир.

— Тем лучше, тем лучше, парень. Уж кто-кто, а я видел ужасы войны и могу лучше всех оценить блага мирной жизни.

— Так вы, сосед, значит, малость знакомы с делом, за которое намеревались взяться?

— Я-то? Я пережил пять долгих и кровопролитных войн и могу с полным основанием благодарить бога за то, что вышел из них без единой царапины. Да, войны пережил я долгие, кровопролитные и, могу сказать, славные, а остался целехонек!

— Опасное, видно, было для вас времечко, сосед. А я за всю свою жизнь слышал только о двух перепалках с французами!

— Ты ведь просто мальчонка по сравнению с человеком, которому перевалило за шестой десяток. Считай. Во-первых, эта война; затем события тысяча семьсот сорок пятого года, когда наше побережье охранял старый Уоррен — бич врагов его величества и щит всех его верноподданных. Потом дела в Германии — тогда мы немало ужасов наслышались о сражениях, где люди валились, как трава под косой в руках у здорового косаря. Вот уже три. — Тут портной поднял очки на лоб и стал считать на пальцах. — В-четвертых, мятеж тысяча семьсот пятнадцатого года; но тут я не могу сказать, что видел много: в ту пору я был очень молод. А в-пятых, ужасный слух, что в свое время прошел по всем колониям: будто начинается общее восстание негров и индейцев и весь христианский люд будет в единый миг сметен с лица земли ⁶.

— Ну и ну, сосед! А я-то всегда считал вас домоседом и мирным человеком! — ответил восхищенный фермер. — Мне и не снилось, что вы такого навидались.

— Я не хвастун, Пардон, не то бы я еще кое-что прибавил к этому списку. Ведь не далее как в тысяча семьсот тридцать втором году на востоке была порядочная схватка из-за персидского престола. Ты, верно, читал о законах мидян и персов. Так вот, из-за того самого престола, от которого исходили эти незыблемые законы, велась ужасающая война, и кровь лилась рекой! Но это происходило не в христианском мире, и я не считаю себя тут причастным, хотя мог бы с полным правом рассказать о бунте Портеуса — этот-то был в нашем королевстве, только где-то далеко отсюда.

— Видно, вы много поколесили по белу свету да и во многих передрыгах побывали, хозяин!

— Да, я попутешествовал, Парди. Дважды ездил на материк, в Бостон, и однажды переплыл через большой Лонг-Айлендский пролив, к городу Йорку. Дело это опасное: во-первых, уж очень далеко, а главное, потому что надо проехать одно проклятое место.

— Наверно, Адские Ворота? Я частенько слышал про это место и даже хорошо знаю человека, который проходил там дважды: один раз, когда ездил в Йорк, и другой — когда возвращался.

— Ручаюсь, уж этого он не забудет. А говорил он тебе про огромный Котел, что кипит и бурлит так, словно под ним горит самое жаркое адское пламя, и про Кабанью Спину, где вода вздымается, как на великих водопадах Запада? Только благодаря хладнокровию и ловкости наших моряков и необыкновенному мужеству пассажиров все кончилось для нас благополучно. Но, скажу по совести, пройти через этот водоворот — величайшее испытание для храбрости человека. Мы тогда бросили якорь у островков в нескольких фулонгах ⁷ от нашего берега, и капитан с двумя бывальыми матросами вышел на катере разведать, нет ли в проливе волнения. Оказалось, что все хорошо, и тогда пассажиров высадили на берег, а судно, по милости божией, благополучно обогнуло водоворот. Вот тут-то мы и порадовались, что, перед тем как нам покинуть мирные и безопасные жилища, вся община вознесла за нас молитвы!

— Вы обошли Адские Ворота пешком? — спросил фермер, внимательно слушавший собеседника.

— Разумеется! А иначе мы бы самым кошунственным образом искушали

судьбу. Но все это уже прошло, как, не сомневаюсь, пройдет и кровопролитная война, в которой мы с тобой участвовали. И тогда, я смиренно надеюсь, его августейшее величество обратит свои монаршие помыслы на пиратов, что свирепствуют у побережья, и повелит кому-либо из своих доблестных капитанов поступить с ними так, как они любят поступать с другими. И тогда знаменитого Красного Корсара, за которым так давно охотятся, притащат в этот самый порт на буксире королевского корабля. Вот-то порадуются мои старые глаза!

— А Корсар этот, видно, опасный злодей?

— Он-то? Да на его судне не он один, а вся его команда, до самого младшего юнги, — гнуснейшие разбойники. Сердце кровью обливается, Парди, когда слышишь, как они бесчинствуют в королевских водах!

— Я не раз слышал про Корсара, — ответил Пардон, — но не знаю никаких подробностей о его злодейских похождениях.

— Да откуда же тебе, деревенщине, знать, что происходит на океанских просторах? Вот мы, жители порта, знаем побольше — ведь тут постоянно бывает столько моряков! .. Но боюсь, Пардон, ты поздно попадешь домой, — добавил портной, взглянув на зарубки, сделанные на стене его заведения, чтобы определять, как высоко стоит солнце. — Сейчас около пяти, а тебе как-никак надо прошагать миль десять, прежде чем ты доберешься до ближайшего отцовского поля.

— Дорога не трудная, а народ кругом честный, — возразил фермер, готовый ждать хоть до полуночи, лишь бы узнать поподробнее о каких-нибудь страшных разбойных делах на море, а затем рассказать о них тем, кто наверняка зайдет к нему на ферму послушать, что нового в портовом городе. — И его в самом деле так боятся и так ищут повсюду, как говорят?

— Ищут? Да разве благочестивый христианин станет искать вход в ад? На всем океанском просторе не найдешь моряка — будь он так же доблестен, как Иисус Навин, великий еврейский полководец ⁸, — который не предпочел бы скорее увидеть землю, чем брам-стенги этого гнусного пирата! Люди готовы биться ради славы, я сам видел тому примеры, но никому неохота встретиться с противником, который при первом же пушечном выстреле поднимет свой окаянный флаг и способен пустить на дно и врагов и себя самого, если увидит, что сатана больше не намерен ему помогать.

— Раз он такой отчаянный злодей, — сказал юноша, с горделивым видом расправляя плечи, — почему бы жителям острова и владельцам плантаций не снарядить хорошее каботажное судно ⁹, чтобы доставить его в порт и показать ему виселицу, которая давно по нему плачет? Могу поручиться, что, кликну они клич да ударь в барабан, и один-то добровольец во всяком случае найдется!

— Сразу видать, что ты не нюхал войны! Ну что такое твои цепы и вилы против людей, продавших душу дьяволу? Королевские крейсера ¹⁰ не раз добивались до Корсара, ночью или на самом закате окружали разбойников, и уж ясно было, что тем никак не ударить, а наутро оказывалось, что добыча-то ускользнула, и, конечно, не без помощи нечистой силы.

— И этих разбойников прозвали «Красными» за кровожадность?

— Так называют их главаря, — ответил достойный портной, которого просто раздувало от гордости, что он сообщает столь интересные вещи, — и так же называют его корабль, ибо ни один человек, ступивший на его борт, будь то

честный моряк или удачливый путешественник, не вернулся и не рассказал, есть ли у него какое-нибудь другое название, получше или похуже. Говорят, судно это размером с военный корвет ¹¹, такой же формы и с таким же вооружением ¹². Однако оно словно чудом ускользало от многих лихих фрегатов ¹³, а однажды — но это только по слухам, Парди, ибо ни один верноподданный короля не станет открыто говорить о столь скандальном случае, — однажды его якобы целый час обстреливал пятидесятипушечный корабль ¹⁴, и, казалось, пиратское судно на глазах у всех пошло ко дну, словно свинцовый лот ¹⁵. Но через несколько дней, когда все радостно поздравляли друг друга с тем, что разбойников наконец постигла заслуженная кара, в порт пришло вест-индское судно, обчищенное «Корсаром» на следующее утро после той ночи, когда, по общему мнению, пираты все до одного отправились в пекло. А еще хуже, парень, то, что, когда королевский корабль кренговали ¹⁶, заделывая дыры от ядер в своих бортах, пират плавал себе вдоль побережья целый и невредимый, словно только что вышел из рук корабельных мастеров!

— Ну и чудеса! — вскричал Пардон, на которого рассказ явно произвел впечатление. — А с виду это п вправду хорошо оснащенный и красивый корабль? Да и точно ли это настоящее судно, с настоящей живой командой?

— Трудно сказать. Одни говорят — да, другие — нет. Но один человек — я его хорошо знаю — целую неделю плавал с моряком, которого штормовой ветер пронес сажень в ста от пиратского корабля. По счастью, длань господня так основательно ворошила тогда морскую пучину, что и у «Корсара» хватало дел, — он тоже из всех сил старался не пойти ко дну. Знакомый моего приятеля успел тогда хорошо разглядеть и судно и капитана. Он рассказывал, что пират ростом раза в полтора выше, чем тот высокий проповедник с материка; волосы у него цветом, как солнце в тумане, а глаза такие, что второй раз в них уже не захочешь заглянуть. Он видел его, как я тебя сейчас: злодей стоял на палубе и рукой, широкой, словно пола кафтана, махал честному купцу, чтобы тот держался подальше и оба судна не столкнулись.

— И смелый же купец, если не побоялся так близко подойти к этому злодею!

— Да он вовсе не по доброй воле подошел к нему, Пардон. Ведь ночь была такая темная...

— Темная! — перебил собеседник, который, как истый уроженец Новой Англии, при всей своей доверчивости отличался все же дотошностью и проницательностью. — Как же ему удалось так хорошо его разглядеть?

— Никто не знает, — ответил портной, — но видеть он видел именно то, что я тебе сказал, и именно так, как я сказал. И мало того — он постарался повнимательней рассмотреть судно, чтобы опознать его, если providению угодно будет свести их еще раз. Это был длинный черный фрегат с низкой осадкой, и лежал он на воде, словно змея в траве, и размеров-то каких-то чудных, и вида самого разбойного. К тому же все говорят, что мчится он быстрее облаков небесных, даже против ветра, и что уйти от него так же трудно, как дожждаться пощады. Он, пожалуй, схож вон с тем невольничьим судном, которое на прошлой не деле — бог его знает зачем — бросило якорь у нас во внешней гавани.

Тут болтливый портной, потративший на свой рассказ немало драгоценного времени, принялся с удвоенной быстротой наверстывать упущенное, помогая своей игле движениями плеч и головы. А деревенский парень, переполненный